

ВРЕМЯ *SUPER* ГЕРОЕВ

АЛЕКСАНДР ПРОСТ

СМЕРТЬ
ЦВЕТА БЕЙСИК

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П82

Художник — *Иван Хивренко*

Серийное оформление — *Василий Половцев*

Компьютерный дизайн — *Андрей Смирнов*

Прост, Александр.

П82 Смерть цвета бейсик / Александр Прост. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Время SUPER героев).

ISBN 978-5-17-100608-2

2039 год. Россия проиграла ядерную войну и уже четырнадцать лет оккупирована войсками НАТО. Москва уничтожена, столица марионеточного правительства перенесена в Санкт-Петербург. Главная военная сила оккупантов — киберпехота, дроны, боевые машины, управляемые операторами за много тысяч километров. Бойцы Сопротивления продолжают неравную борьбу. Кажется, будто вражеская киберпехота находится в полной безопасности. Но это — война, и у нее свои правила. От ее кошмара не защитит ни успех, ни здравый смысл, ни осторожность, ни даже Атлантический океан.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-100608-2

© А. Прост, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

В наших жилах трехцветная кровь.

Борис Беркович

ИСПРАВЛЕНИЕ ИМЕН¹

Мы не знаем, что такое жизнь, — где уж нам говорить о смерти.

Кун Цю

Монитор заполняли оттенки серого. Низкое светло-серое небо висело над пологими холмами, покрытыми ноздреватым и сероватым снегом. Дорога, разбитая в кашу, извивалась темно-серой, почти черной змеей. Вышки, купол ангара, коробки складов, мастерской и генератора, серый бетон и серая сталь, укрытые снегом кровли почти слились с пейзажем.

Под прямым углом дорогу пересекал выглянувший уже из снега газопровод. Именно его и прокинутую рядом линию связи защищала цепочка блокпостов, протянувшаяся до самой границы. Блокпост В2 примыкал к длинному строению с выбитыми

---

¹ «Исправление имен» — важнейшее понятие в конфуцианской традиции. Нельзя совершенствовать общество, где понятия названы ложно. Например, взятка — благодарностью, предательство — ловкостью, убийца — солдатом. Для начала необходимо назвать вещи своими именами.

окнами и провалившейся кровлей — единственной постройке на много миль вокруг. Дом и блокпост окружала старая стена из стандартных блоков, применявшихся повсюду в этой стране, обожавшей крепкие заборы. Стену вдоль дороги частично разобрали, и секции забора теперь с двух сторон почти упирались в модули блокпоста. Освободившимися плитами защитили опоры охранных вышек. Ворота бросили тут же, оттащив только через дорогу. Последние недели они все больше выступали острым углом над постепенно оседавшим снегом.

Первые недели службы, когда Айвена занимали еще такие вещи, он расспрашивал сослуживцев об этом здании и познакомился с несколькими несоместимыми версиями. По одной, до войны тут размещалась часть ПВО, по другой — база окружных дорожников. Конопатая девчушка из взвода «Альфа» категорически стояла на невозможном, будто это коровник — с частыми небольшими окнами и посреди ледяной пустыни. Большинство считало, что блокпост использует для топлива старые подземные резервуары, но даже это было не наверняка.

Блокпост В2 принадлежал к самым безжизненным и бессмысленным местам в зоне ответственности батальона, состоявшей исключительно из мест бессмысленных и безжизненных. За первые полтора часа вахты они пропустили только дряхлый пикап, мопед и пустой грузовик. Айвен изнывал от тоски, почти физически чувствуя, как тупеет. Ему предстояло еще два часа на В2, а после обеда и до конца дня патрулировать посадочную глиссаду аэропорта милях в пятистах отсюда.

Несколько вспышек войны превратили большую часть кварталов, окружавших аэропорт, в груды развалин. Немногие уцелевшие здания расселили и забрали под нужды экспедиционного корпуса много лет назад. Теперь там была закрытая зона, охраняемая по периметру паровозами. Местные, разумеется, малонадежны в любом деле, но, кроме них, все было нашпиговано автоматикой, почти исключавшей несанкционированное проникновение. Ну, а сумеи ушаны провести электронику, никакой патруль не отыскал бы их в лабиринте обгорелых зданий, поваленных деревьев, груд битого кирпича, молодых деревьев и кустарника, проросших за годы в самых неожиданных местах. Реальная деятельность патруля киберпехоты исчерпывалась редкими задержаниями аборигенов, охотившихся в развалинах на медный кабель и арматуру. Пойманных передавали в воспитательных целях паровозам, и даже туземцы почти уяснили со временем, что туда лучше не соваться.

Айвена полукругом окружал экран, разделенный на полсотни сегментов. Он предпочитал асимметричные настройки с сегментами разных размеров, выводя по центру крупные и нужные картинки, задвигая редко используемые на меньшие и крайние. В операционной области, чуть ниже уровня глаз, заморгали три зеленые галки командира отделения.

— Говорит Штиблет. Примите у Сметаны. Бобер с девятого по двенадцатый, — бубнил в наушниках тусклый голос сержанта. — Король, с тринадцатого по шестнадцатый.

— Бобер, — ответил Айвен, — принял у Сметаны с девятого по двенадцатый.

— Король. Принял у Сметаны диапазон один три один шесть.

Сметана, мордатый дядька основательно за тридцать, запыхтел в проходе. Обычно он наголо сбрасывал редкие рыжеватые волосы, но сейчас щетинка точно обозначала контуры лысины. Форма плотно обтягивала складки и обвислости — Сметана изрядно прибавил в последнее время.

— Кофе?

— Угу, — кивнул Айвен.

Десяткой была подвешена летка (сверхлегкий летающий разведывательный дрон CA1426, если официально), поставленная над блокпостом в эллипсоидную автоциркуляцию. Летка и без того занимала у Айвена сегмент посередине сверху, так что он только проверил заряд (Сметана — тот еще разгильдяй). Дрон висел на 800, высокогато, в общем-то, но менять было лень, не очень корректно, да и незачем. Висевший на девятке 120-мм миномет Айвен сразу задвинул в правый верхний угол — едва ли он вообще использовался последние годы, кроме контрольных отстрелов на ежегодных поверках.

Двенадцатый — капа, крупнокалиберный пулемет, установленный на вышке, был подвешен у Сметаны к собственной Айвена программке, через неравные промежутки времени водившей стволом вдоль дороги, случайно выбирая интервалы между 20 и 40 секундами. На вышке стоял только боевой модуль без ходовой, стандартной платформы, общей для всех основных боевых дронов. Лет пять

назад кто-то в корпусе придумал оборудовать так стационарные огневые точки, в первую очередь, конечно, капями, снайперами, максимами и плевалками, шестиствольными пулеметами. Более чем разумная идея, учитывая множество ходовых, терпящих в этой стране, наспигованной минами, как буженина — чесноком. Производители дронов поначалу противились, строили козни, но в конечном счете смирились.

Одиннадцатую, пешку, Айвен вывесил на второй сегмент, рядом с операционным дисплеем, куда была выведена его собственная пешка. Удобно расположив мониторы слежения, Айвен немного сжал картинку, чтобы меньше вертеть головой, словно зритель теннисного матча. Заняться снова стало нечем, все возможные развлечения ограничивались возможностью посмотреть направо или посмотреть налево. Обзор вперед закрывал собственный монитор, а назад — задник монитора Клоуна.

Справа, через проход, туго заполняла кресло Пташка — заплывшая бабища средних лет, судя по виду и акценту, родом откуда-то из Индии, или Пакистана, или, скажем, Бангладеш. Не то чтобы Айвен много понимал в подобных вещах, но так он решил за сотни тоскливых часов, проведенных рядом с ее сопящей тушей. Лишнего в ней было так много, что каждое путешествие в туалет превращалось для Пташки в тягостное приключение. «Как только ее от себя не тошнит?» — часто думал девятнадцатилетний, пружинистый и легкий Айвен.

Пташка почувствовала взгляд и вопросительно кивнула. Он отрицательно качнул головой, пока-

зал ладонь, дескать, не беспокойся, и отвернулся к стеклянной стене слева.

На мониторах приближался вечер, а тут не до конца рассеялся туман, и река еще тонула в утренней дымке. Первое время Айвена волновал каким-то освежающим шоком мгновенный контраст. Мир снега, грязи, выбитых окон, грязных и ржавых рыдванов, держащихся на проволоках, огромных дорожных ям, мусорных куч, раздутых трупов животных, а то и людей, менялся на зелень постриженных газонов, аккуратную разметку дорожек, зеленые квадраты экопарковок, казавшиеся из окна идеально ровными, с ничем не примечательными, но довольно чистыми машинами. Теперь надоело и это.

Место у окна досталось Айвену сложно, в ход шли интриги, оказанные услуги и признательность начальства. Программирование дронов не требовало особенных талантов, все обучение отняло у Айвена часа два, включая чтение инструкции и составление первой программы. Несмотря на это, он неожиданно для себя прослыл в батальоне гением, удостоился похвалы Подполковника и написал за последние полгода по просьбе и по приказу не меньше сотни программ, неплохо набив руку.

Последнюю пару недель Айвен всерьез подумывал попроситься на старое место между Сметаной и Кучером. С ними, по крайней мере, можно переброситься взглядом, жестом, даже парой слов, а с Пташкой ничего подобного даже представить невозможно. С Кучером, веселым пуэрториканцем почти его лет, у Айвена даже сложилось что-то вроде дружбы.

Лейтенант постучал его по плечу и ткнул пальцем в мониторы. Длинный, нескладный и тощий, с нелепой щеточкой полуседых усов, безнадежно и навсегда засидевшийся в лейтенантах, он обладал, кажется, единственным даром: бесшумно подкрасться в самый неподходящий момент. Лейтенант пользовался позывным Добряк, но за глаза был известен как Штырь.

Айвен кивнул, бесшумно показал губами «виноват, сэр» и вернулся к безжизненным мониторам. «И зачем я шипел. Почему бы не сказать того же вслух?»

Насколько хватало обзора летки, к блокпосту шла единственная машина. Огромный древний пикап петлял между ямами, но все равно то и дело проваливался, поднимая черные фонтаны воды. Дома содержание такого монстра обошлось бы недешево, но в этих краях самоварная горючка шла почти даром, как и ремонт у местных умельцев. Айвен приблизил машину до максимума — спереди тряслась пара, задний диван было не разглядеть.

— Внимание! Пикап «Мерседес». Приближается с северо-северо-запада. Прибытие: плюс 220 секунд. В машине минимум двое, продолжаю наблюдение, — объявил Король тревожным голосом. Он всегда вел себя так, словно герой кинобоевика за минуту до кульминации.

Любой другой на его месте ограничился бы ленивым: «пикап сверху», может, добавил бы еще «два плюс внутри». Секунды до прибытия и так выводились всем на мониторы.

Странный парень был этот Король. Высокий, черный, спортивный. Он утверждал, будто пробегает пять миль каждое утро, а качалку посещает не менее трех раз в неделю, и, судя по виду, не врал. Постоянно какой-то отутюженный, чуть не единственный в батальоне, включая офицеров, носил на службу тяжелые форменные башмаки вместо кроссовок, хотя никто этого не требовал. Выглядел Король всегда так, словно именно сегодня ему предстоит получать от президента медаль, или патриотически наставлять ребятишек в школе, или пожертвовать жизнью за Родину, а не отсидеть восемь часов в анатомическом кресле, рискуя разве подавиться крекером или получить вычет за опоздание. В общем, такой крепкий свежий парень, похожий, в отличие от прочих, на настоящего рейнджера.

Пикап медленно приближался к В2. Сосредоточенный дед, вцепившийся в руль, подпрыгивал на кочках. Голову старика покрывала облезлая шапка с распущенными ушами. В городах похожие с вызовом и намеком носила дерзкая молодежь, но эту древность явно надели, не предполагая подтекста и даже не подозревая о его существовании. Рядом тряслась недовольно поджавшая губы бабка. Айвен перевел пешку Сметаны в режим автосопровождения цели, задумался на долю секунды и выбрал бабку.

Пикап подпрыгнул последний раз и остановился шагах в десяти от шлагбаума. Айвен подвел пешку к водительской двери. Старик с полминуты возился со стеклоподъемником, наконец отчаялся и просто открыл дверь. Айвен запустил предписанный текст:

— Вы предпочитаете якутский язык? Вы предпочитаете эвенкийский язык? Вы предпочитаете говорить по-русски?.. эскимосский?.. украинский?.. белорусский? — перечень языков менялся в зависимости от блокпоста. Большую часть из них никто и никогда не выбирал, похоже, кто-то неплохо нажился на раздутой смете, продав забытые и мертвые наречия.

Старик с ужасом смотрел на говорящую железяку и молчал. Какой-то слабоумный армейский психолог придумал, что якутский наиболее умиротворяюще звучит с сексуальной женской хрипотцой, а эвенкийский у дружелюбного бархатистого баритона.

— Днище чисто, — сообщил Король очевидное. Он исполнял инструкции с фанатичной старательностью.

Дед, не говоря ни слова, кряхтя, лез из машины. Айвен заглянул на операционный дисплей Короля, выведенный у него слева вверху. Король был, как он и любил, на штурме, автомат снят с предохранителя, что строго запрещено при отсутствии «прямой и очевидной угрозы», мало того, снят с предохранителя и реактивный гранатомет, заряженный осколочно-фугасным.

«Маньяк. Вот правильно его на дальних держат», — вздохнул Айвен. Ходили слухи, будто Король не позывной, а настоящая фамилия, но это казалось чересчур даже для такого явного психа.

— Приветствую вас, почтенный, — Айвен выбрал почти безошибочный русский, звонкий женский голосок автоматически переводил, —